

83707.

Женщина
и музыка

Н.А. Смирнов

Курдская
Женщина

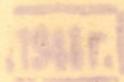
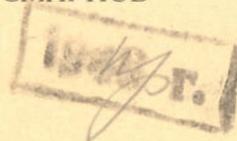
ИЗД. // ОХРАНА ♦ МАТЕРИНСТВА
И МЛАДЕНЧЕСТВА // МОСКВА

«ТРУЖЕНИЦА ВОСТОКА»

Под редакцией В. А. ГУРКО-КРЯЖИНА

396(5)

Н. А. СМЕРНОВ

КУРДСКАЯ ЖЕНЩИНА

Изд. «ОХРАНА МАТЕРИНСТВА И МЛАДЕНЧЕСТВА» НКЗ

МОСКВА — 1927

Типография и Словолитня
„КРАСНАЯ ПРЕСНЯ“
Малая Грузинская,
Столярный п.,
№ 5-7

Главлит № 93947.

Тираж 7.000 экз.

Выпуская по заданию Отдела Работниц и Крестьянок ЦК ВКП(б) серию «Труженица Востока», мы ставим себе целью дать широким массам советских читателей возможность ознакомиться с бытом, правовым и экономическим положением женщины советского и зарубежного Востока.

Кроме того, настоящая серия должна осветить работу и достижения партии и соввласти в области раскрепощения трудящейся женщины Востока.

В каждой, из входящих в серию, брошюр дается краткий очерк республики или области, в которой живет данный народ, его экономики и социального уклада.

В брошюрах о женщине зарубежного Востока имеется кроме того очерк национально-революционного движения данной страны. В серию входят брошюры:

1) Азербайджанка, 2) Грузинка, 3) Дагестанка, 4) Осетинка, 5) Туркменка, 6) Армянка, 7) Узбечка, 8) Казачка, 9) Башкирка, 10) Татарка (волжская и крымская), 11) Бурятка, 12) Ойратка, 13) Якутка, 14) Марийка, 15) Вотячка, 16) Калмычка, 17) Чувашка, 18) Таджичка, 19) Курдинка, 20) Мордовка, 21) Кабардино-Балкарка, 22) Чеченка, 23) Афганка, 24) Турчанка, 25) Китайка, 26) Персиянка, 27) Зырянка, 28) Камчадалка.

Авторами брошюр являются члены-сотрудники Научной Ассоциации Востоковедения при ЦИК'е СССР. Серия издается под руководством заведующего П/Отделом нацменьшинств агитпропа ЦК ВКП(б) тов. С. М. Диманштейна и под общей редакцией члена президиума Научной Ассоциации Востоковедения тов. В. А. Гурко-Кряжина.

Издательство «ОХРАНА МАТЕРИНСТВА
и МЛАДЕНЧЕСТВА».

Курды

Общий очерк

Курды живут на территории пяти государств. В СССР они занимают часть Армении и Азербайджана; в Персии западные, пограничные районы Керманшаха, Сенне и Умийского озера и кроме того, есть курдские колонии в Хорасане, куда они были выселены в XVI веке. Всего в Персии курдов около миллиона. В Турции курды занимают юго-восточные провинции (вилайеты: Дيارбекира, Вана, Битлиса, Эрзерума и др.); всего здесь курдов до 1½ миллионов. Персидские и турецкие курды, как бы кольцом охватывают советские республики Армении, Азербайджана и Туркменистана. Наконец, в Ираке, в Мосульском вилайете, живет курдов до 450 тыс. и в Сирии, в районе Алеппо, их до 100 тыс. Всего курдов насчитывается до 3½ миллионов, при чем эта цифра приблизительная, при отсутствии точной статистики. Благодаря разбросанности по территориям нескольких государств, курды не представляют политически-объединенного народа, хотя они живут приблизительно одним бытом, говорят на различных наречиях одного языка и чрезвычайно медленно сливаются с окружающими народами.

Курды занимали свои горы за несколько веков до нашей эры. Но уже с древнейших времен они

утратили свою самостоятельность и всегда входили в состав какой-нибудь восточной империи: Ассирийской, Персидской, Парфянской, Римской, Арабской, Монгольской и, наконец, с начала XVI в. Турецкой.

Вся жизнь курдов наполнена борьбой с центральной властью этих государств за свою независимость. Присоединив к себе Курдистан в 1514 г. турки утвердились здесь только в 1834 г.; однако, и после этого не прекращаются огромные восстания против центральной власти, из которых самое крупное, руководимое шейхом Обейдуллой, было в 1880 г. Патриархально-родовой быт курдов ставит на первое место феодала-начальника племени, играющего исключительную роль в жизни своего племени и рода. Наиболее авторитетные из курдских феодалов сумели объединить вокруг себя курдские племена и поднять их, конечно, в своих интересах и для отстаивания своих феодальных прав и привилегий, на борьбу с центральной властью (турецкой и персидской). На ряду с такой реакционной деятельностью курдских феодалов, примерно, с начала XX века, развивается деятельность курдских националистов, направленная к объединению всех курдов, также для борьбы с центральной властью.

Задача националистов одна: добиться объединения и независимости Курдистана. Шейх Обейдулла впервые созвал съезд курдских вождей и начальников племен, где была вскрыта провокационная политика Турции натравливания курдов на соседних армян и айсоров с целью отвлечь их от сепаратистских стремлений. На этом съезде было решено объединить персидских и турецких курдов для общей борьбы с правительствами этих стран. Однако, восстание не удалось. С этого времени турецкое султанское правительство всеми спосо-

бами стремится вовлечь курдов в общегосударственную жизнь и привязать к себе верхушки курдской аристократии. Создается из курдов знаменитая султанская конница «Гамидие», которая служит, главным образом, для подавления народных выступлений и избияния армян и айсоров. Ко времени царствования одного из самых ярких противников национальных стремлений курдского народа Абдул Гамида, за границей уже создаются первые кадры курдской интеллигенции, которые в 1898 г., в г. Каире, а затем в Женеве—издают первую курдскую газету «Курдистан».

Младотурецкая революция 1908 г. и свержение Абдул Гамида вызвали подъем национального чувства в Курдистане. За этот период происходит объединение курдской интеллигенции вокруг созданного об-ва «Хивиа-курд» (курдское единение). Общество имело ярко национальный характер. Оно призывало всех курдов к созданию своей национальности, вырабатывало новый алфавит, издавало националистические газеты, журналы и пр. Шовинистическая политика Турции, война 1914—18 гг. используется Англией, которая, желая привлечь курдскую интеллигенцию на свою сторону, обещает ей поддержку в борьбе за независимость.

Таким образом, Англия использует национальные стремления курдов для своих империалистических целей. После мировой войны Англия получает Ирак. Но на севере Ирака, в богатом нефтью и имеющем чрезвычайно важное стратегическое значение, как для борьбы с Турцией, так и с СССР, Мосульском вилайете, живут курды. И вот, Англия ведет кампанию за присоединение Мосула к Ираку, для чего обрабатываются курдские вожди. По непроведенному в жизнь Севрскому договору 1920 г., было даже создано независимое курдское королевство, которое должно было

находиться под английским руководством. Однако, курдские вожди очень скоро убедились, что англичане пытаются превратить Курдистан в свою колонию, легко позабыв все свои обещания о свободе и независимости. Целый ряд восстаний был ответом курдов на такую провокационную политику, и англичане, увидя крах своих планов, начали действовать обычным «колониальным» путем. При посредстве броневиков и аэропланов они приводят курдов в подчинение, на этот раз и речи нет о национальном самоопределении. В 1926 г. Англия, наконец, получает юридическое право на Мосул и тотчас же приступает к подготовке его, как плацдарма для борьбы с СССР. Положение курдов в новой Турции также не особенно благоприятное. Узко-националистический характер внутренней политики, проводимой турецкой буржуазией, не признает за другими народами Турции права на самостоятельное национальное развитие. Турки утверждают, что курды такие же турки, как и они, что у курдов нет ни национального чувства, ни каких-либо политико-культурных предпосылок для самостоятельного существования. Такая политика ставит курдов во враждебный лагерь, что очень умело используется Англией, открыто натравливающей курдов против Турции. В 1925 г., при содействии материальной английской помощи, наиболее реакционными вождями турецких курдов было поднято явно реакционное восстание. Под флагом религии и борьбы за восстановление свергнутого турками в 1924 г. халифа (религиозный глава всех мусульман), курдские шейхи-феодалы боролись за сохранение своих прав и своей власти. Это выступление было подавлено турками с большою жестокостью. Одновременно с восстанием турецких курдов, протекали восстания и курдов Персии (восстание в период 1920—

23 гг. под руководством Симко и др.) под лозунгом национального самоопределения. Пока что все восстания ликвидированы, вожди казнены или сосланы; курды, как и сотни лет тому назад, сгоняются со своих насиженных мест и переводятся целыми семьями в отдаленные районы. Однако, несмотря на реакционные выступления отдельных курдских феодалов, увлекающих за собой целые племена и добывающихся, в борьбе с центральной властью, своих личных целей, среди курдов растет и развивается подлинное национальное движение и создается курдская интеллигенция, которой суждено быть застрельщиком и организатором борьбы за национальную независимость народа, политическое будущее которого еще впереди.

Интересно отметить, что идея независимости живет у курдского народа в течение многих веков. Один из замечательных курдских поэтов Амед-Хани, еще в 1650 году, в своей пламенной поэме «Мемузин», написанной арабскими буквами на курдском языке, в ярких строфах передает чаяния курдской общественной мысли своего времени. В этой поэме чрезвычайно живо описана вся политическая жизнь курдов, которая, кстати сказать, остается почти такой же и в настоящее время.

«Курды живут меж двух огней и при всякой войне устилают своими трупами долины и ущелья».

«Бедственное положение курдов, их темнота, невежество, постоянные войны,—все это препятствует процессу объединения курдов»—говорит поэт. И действительно, постоянное вмешательство персидских, турецких, русских, а затем английских правительств в жизнь курдов, самым разлагающим образом действовало на курдов.

И до сих пор курды, имеющие богатое историческое прошлое, богатую эпическую народную литературу, считаются наиболее отсталым народом

передней Азии. Отсталостью курдов всегда пользовались турки и персы. В дальнейшем царская Россия присоединила свои интриги к пронкам этих двух сил и ни одно курдское восстание в XIX и XX вв. не проходило без активного участия царских агентов.

Курды были и до сих пор еще остаются игрушкой в руках чужих сил. Но наряду с этим, на наших глазах, развивается политически курдская интеллигенция. К настоящему времени она уже представляет значительную силу, которая противопоставляет себя феодалам и начинает вести большую подготовительную и революционную ра-

боту по объединению всех курдов в одно национальное целое.

Выделение курдов, живущих в СССР, в самостоятельную единицу (Курдистанский уезд)—большая организационная работа, проводимая здесь советской властью в области экономической, политической и социальной,—без сомнения, послужит образцом и примером для всех зарубежных курдов, являющихся как в социально-экономическом, так и культурно-политическом отношении наиболее отсталым народом Передней Азии. Вот почему особенно важное значение приобретает наш Закавказский Курдистан. Мы должны изучать быт, нравы, экономическое положение советских курдов, мы должны особенно бережно и внимательно подходить ко всем их нуждам и требованиям, в том числе проявлять особенную заботливость в отношении развития и воспитания курдской женщины.

Мы все время должны помнить, что за политикой в отношении наших закавказских курдов, за эволюцией их экономической и социальной жизни следят три миллиона соседних с нами курдов турецких, иракских и персидских. И, быть может, не только следят, но и будут перенимать все достижения советских курдов и проводить их у себя.

Широким поясом опоясывающая с одной стороны советское Закавказье и Туркменистан, с другой,—турецко-персидскую границу, территория, занятая зарубежными курдами, благодаря своему возвышенному положению (горы и окружающие их плодородные долины), как бы командует над всеми прилегающими к ней областями и господствует над Месопотамской равниной (Ирак) и путями на юг к английским владениям. Такое выгодное географическое положение придает Курдистану исключительно важное стратегическое значение. Учиты-

вая это обстоятельство, Англия и стремится прочно утвердиться здесь, дабы держать под угрозой три соседних государства: Турцию, СССР и Персию.

Первоначально все курды делились на племена, (называемые аширеты и илияты) или роды, и вели кочевой образ жизни. Но со временем, в эпоху усобиц и нашествий монгол, турок-сельджуков и др.—некоторые роды были рассеяны, родоначальники истреблены и появились неплеменные курды, которые первыми стали оседать на землю.

Под влиянием увеличения народонаселения и выгод, представляемых земледелием, большая часть племенных (аширетных) курдов так же выстроила себе селения.

Оседлые курды вполне подчиняются властям и несут все повинности. В персидском Курдистане курды подчинены правительству в различной степени: все юседлые курды, живущие в городах, несут повинность наравне с остальным населением; немногочисленные кочевники платят денежную повинность, и вполне самостоятельны в своих внутренних делах. Курдские племена, даже оседлые, летом обычно передвигаются со своими стадами в горы на лучшие пастбища, при этом они совершенно не считаются с установленными государственными границами. Происходят переходы племен и по политическим причинам. Такое явление способствует объединению всех курдских племен и вырабатывает общие национальные интересы.

Наши сведения о жизни курдов, об истории этого народа чрезвычайно малы. Из весьма ограниченного количества работ о курдах (главным образом, русских и английских) большая часть посвящена или лингвистике (исследованию курдского языка), или же представляет описание чисто военного характера, останавливающиеся на вопросах проходимости в Курдистане

войск и изучающих курдов, как военную силу, способную играть ту или иную роль в военных конфликтах с соседними государствами. До сих пор нет истории курдского народа, нет географического и этнического описания территорий, занимаемых курдами, не выработан также общекурдский алфавит (курды пишут арабскими буквами). Конечно, хозяйственное развитие курдов не одинаково. На горах курды ведут полуоседлый образ жизни, нравы здесь очень дикие, власть феодалов прочная, здесь еще господствует натуральное хозяйство, в долинах и на равнине курды уже превратились в землевладельцев, им известен и рынок, при чем потребителем является, главным образом, спекулянт, скупающий за бесценно шерсть, ковры и молочные продукты. Низкая степень хозяйственного развития курдов стоит в связи с существованием здесь еще феодального строя.

Изучая турецких и персидских курдов, можно установить деление их на два класса: 1) начальников (называемых мир, ага, малько, пашмир) со своими дружинами (хунами) и 2) земледельцев, уже осевших на землю и обязанных уплачивать начальникам треть своего урожая. Этот класс находится в подчиненном положении и часто состоит из других этнических групп. К нему примыкают, находящиеся в подчинении у курдов и успевшие с ними смешаться, племена несториан—айсор и армян и все они носят название «райя».

Из класса начальников выделяются главенствующие роды, поставляющие шейхов и вождей. В центре курдского феодализма стоит не владение землей, а племя, подчиненное феодалу. Все обычное право курдов базируется на племени, при чем курдское законодательство построено, главным образом, на обычном праве.

Чрезвычайно отсталые формы родового строя, обычное право, существование в полной силе обычаев и традиций предков, вроде кровавой мести и др., бесконечные ссоры из-за пастбищ, и, наконец, безграничная власть феодалов-шейхов приводит к тому, что на ряду с хозяйственной отсталостью,—курды стоят на весьма низком культурном уровне; школ у них почти нет. Курдская интеллигенция развивается и получает образование, главным образом, в Турции и за границей.

Большое значение в жизни курдов играет вражда, как между собою, так и с живущими рядом с ними армянами. Раньше старались объяснить это чисто религиозными мотивами и ненавистью мусульман-курдов к христианам-армянам, однако, приходится указать, что главную роль в этой вражде играли—экономические причины и аграрный вопрос, который у курдов стоит чрезвычайно остро. Вся торговля на территории, где живут курды, находилась в руках армянской буржуазии, которой сдавались с торгов все сборы податей. Всякому, жившему в Азии, известно, что с конца XIX в. курды-кочевники начинают оседать на землю, спускаются со своих гор и захватывают деревни армян-земледельцев. Турецкое правительство не в состоянии было регулировать этот вопрос, оно ограничивалось только тем, что наускивало курдов на армян и помогало им разорять армянскую деревню. Таким путем оно думало избавиться от армян и обезопасить себя от стоявшей за их спиной царской России. После мировой войны и Турецкой революции, когда большая часть армянского населения погибла, курды захватили все армянские деревни, прочно осели на землю и занялись хлебопашеством.

Кроме борьбы между родами, мы видим, у курдов, борьбу, между феодальной верхушкой и богатыми—с одной стороны и трудящимися—с другой. Иногда соединяются вместе несколько родов богатых и борются против представителей бедных родов.

Быт, характер семейных отношений и положение женщины у всех курдских племен, разбросанных на громадной территории Малой Азии, Персии и советского Закавказья, в главных чертах одни и те же. Здесь приходится отметить, что, несмотря на принадлежность курдов к различным мусульманским толкам (турецкие и иракские—сун-

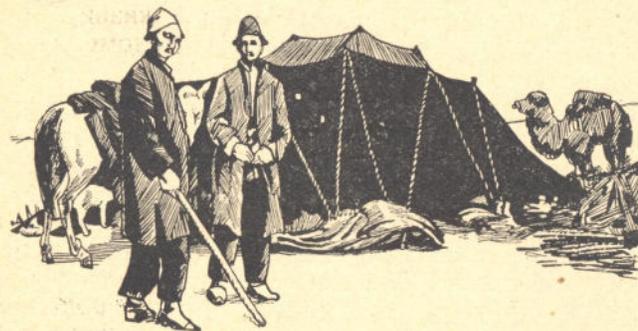

Рис. 1. Летнее жилище курдов на «яйлагах».

ниты, езиды; закавказские шииты, езиды, большинство суннитов после 1918 г. перешло в Турцию; персидские шииты и алиаллахи), религия не наложила на курдов заметного отпечатка и не оказала своего влияния на положение женщины, как это мы видим у других мусульманских народов. Курды вообще не отличаются религиозностью. Женщина у них занимает более независимое положение, чем женщина соседних с ними армян, персов и тюркских народов. Помимо того, что женщина

участвует во всех важных событиях жизни своего племени и рода,—нередко встречаются женщины атамаы и предводители отдельных групп. Это свидетельствует, что здесь еще сохранились остатки матриархата древнейшего периода, когда женщины руководили жизнью своего племени. Довольно часто женщины стояли во главе военных отрядов и во время войны занимали командные должности в Турецкой армии.

Многоженства и затворничества женщин у курдов совсем не наблюдается. Это объясняется, с одной стороны, характером хозяйственной жизни курдов—еще недавно бывших кочевников, а с другой стороны—укладом семейной жизни, когда вся работа в поле, около скота и на дому лежит на женщине.

Правда, под влиянием окружающей среды, курдские аристократы, стремясь во всем подражать турецким и персидским, ввели у себя гаремы (особое помещение для женщин), заставляя своих женщин выходить из дома с закрытым лицом и даже завели у себя по несколько жен, но к курдскому народу эти новшества не привились вовсе.

Здесь, приходится отметить, что с процессом оседания курдов на землю, положение курдской женщины начинает постепенно изменяться в сторону большего ее обезличивания и большей зависимости от хозяина-мужа. Оседлые курды легче перенимают от турок и персов их уклад семейной жизни и их отношение к женщине. То же явление наблюдается и у наших советских курдов, которые многое перенимают от живущих среди них тюрков. Большое значение здесь имеет и процесс смешения с окружающими народами. Хотя курды в принципе женятся только на женщинах своего рода, но фактически они все чаще

и чаще берут жен и из соседних народов; это явление особенно наблюдается в Закавказье.

В виду того, что основные черты быта и положение курдской женщины общи для всех курдов и отличаются несущественными деталями, главным образом, в отношении свадебных обрядов, костюмов и некоторых обычаев, в настоящей брошюре, будет описано положение женщины закавказских курдов.

Описание закавказской курдинки, сохранившей, до сего времени, быт и обычаи—общие всем курдским женщинам и, на ряду с этим, вступающей, на новый жизненный путь, несущий экономическое и политическое равноправие, культурную жизнь и знание,—представляется наиболее показательным. Изображение положения курдинки в старом быту, которым живут еще зарубежные курды, и на ряду с этим описание новых форм жизни курдской женщины и методов работы по приобретению ее к жизни, как равноправного члена общества, пользующегося в своем новом быту всеми достижениями науки и техники,—послужит лучшим примером для зарубежной курдинки.

2. Закавказский Курдистан

Курды и родственные им курды-езиды (о которых говорится ниже) нашего Закавказья, населяют, главным образом, образованный в 1923 г. Курдистанский уезд Азербайджанской ССР, и некоторые, сходные с ним по природным условиям, уезды Армянской ССР, в которой они составляют меньшинство населения. По этой причине, мы и проследим быт курдинки, главным образом, по Курдистанскому уезду, называемому в дальнейшем советским Курдистаном.

Общее количество курдов и езидов, по переписи 1926 г., определяется в 58 тысяч, при чем в пределах Азербайджана их проживает 50 тыс. и в пределах Армении 8 тыс.

Курдистанский уезд, расположенный в горной части восточного Закавказья, по характеру территории напоминает зарубежный Курдистан. Он граничит с запада и юга с Арменией (Ново-Боязетский и Зангезурский уезды), с севера с Нагорным Карабахом и востока с Джебраильским уездом АССР. Весь уезд изрезан глубокими ущельями и горными хребтами (Карабахским и другими). Северная часть представляет обширную площадь превосходнейших альпийских пастбищ, так называемых—«яйлагов». Пастбища эти, как и соседнего Карабаха, привлекают, в летний период, стада многочисленных кочевников из соседних районов.

Климат, как и во всем зарубежном Курдистане,—суровый на высоко-горных альпийских лугах, за исключением котловин, где, благодаря защите от холодных ветров, климат мягче и теплее. Однако, пшеница здесь зачастую не вызревает, а если и вызревает, то дает урожай сам два или сам три. Зима продолжается около семи месяцев. Лето знойное.

Под посевы и пастбища здесь используются только 72 тыс. десятин из общего количества всей удобной и неудобной земли в 324 тыс. дес. Остальная часть, за исключением занятых лесом, непригодна для обработки и скотоводства (вершины гор, обрывы, утесы).

Леса Курдистанского уезда, состоящие, главным образом, из дуба, клена, граба, карачага и др., имеют огромное водоохранное и защитное значение, они расположены в чрезвычайно пересеченной местности, часто на весьма крутых и

обрывистых склонах. Почва, в большинстве случаев, каменистая, с малым содержанием перегной. Некоторые лесные дачи находятся вблизи от линии Джульфа-Бакинской ж. д. и с окончанием постройки ее получат полный сбыт леса.

Курдистанский уезд богат различными целебными минеральными источниками. Кельбаджарский горячий источник «Исти-Су» и особенно вода источника «Котур-Су» от чесотки и всяких кожных болезней пользуются у населения широкой известностью. В самое последнее время в местности «Кош-таш» обнаружены большие пласты каменного угля, выходящие наружу. По исследовании оказалось, что каменный уголь этого района очень высокого качества.

Основным бедствием уезда является его бездорожье. Все сообщение поддерживается по скверным горным проселочным дорогам; обычный способ передвижения—верхом. Отсутствие дорог не только мешает планомерно эксплуатировать природные богатства этого района, но оказывает самое неблагоприятное влияние на его экономическое развитие, является причиной частого голода как населения, так и скота, и, самое главное, служит тормозом к приобщению курдов к советской культуре, к проведению реформ во всех областях жизни этого отсталого народа нашего Союза.

Земледелие и скотоводство (в северной части) являются преобладающим занятием курдов. Земледелием курды занимаются уже давно,—к этому их вынудил недостаток пастбищ. Но курды обеспечены пашней слабо; один дым (семья) имеет пашни в три раза меньше, чем семья в других уездах Азербайджана. При такой слабой обеспеченности посевной площадью населения, и при сравнительно скудных урожаях—своего хлеба бывает недостаточно. Помимо указанных неблагоприятных

явлений, в Курдистане, часто наблюдаются недосевы, как вследствие недостатка семенного материала, так и отсутствия точно фиксированных земельных площадей, отведенных тому или иному селению. С установлением здесь советской власти начаты были работы по национализации земли и по земельному устройству курдов, при чем приходилось работать в исключительно трудных условиях среди невежественного населения, вдобавок запуганного и терроризированного собственными кулаками и реакционным духовенством. Но так или иначе многие общины получили прирезки.

Обычно перед пахотой несколько домохозяев стовариваются запахивать общими силами свой участок, используя для этой цели свой рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь, транспортные средства и свою рабочую и личную силу. Пашут деревянной сохой (джют), которая приходится чуть ни на 80 хозяйств. Для молотбы употребляют две доски с набитыми стальными или кремневыми щитами. Вместо веялок употребляют простую лопату и т. д. Семена для посева у каждого крестьянина должны быть свои. По уборке урожая зерно, солома делятся или по рабочим душам, или по скоту. Все полевые работы производятся на волах или буйволах. Недостаток в рабочем скоте, сельскохозяйственном инвентаре, некультурность населения, отсутствие дорог—свидетельствуют о маломощности крестьянского хозяйства курдов.

На низменных равнинах, в котловинах и невысоких возвышенностях вся растительность в течение лета выгорает и с началом весны скотоводы уходят ближе к горам, а затем перебираются выше, рассчитывая осенью найги, на оставленных местах, достаточно корма.

Таким образом, котловины, покинутые на летнее время, служат лишь зимовниками или «кишлагами»—(киш—зима, лаг—жилище). Под кочевками или яйлагами (яй—лето, лаг—жилище, стан) пахотятся места, непригодные для земледелия, главным образом, горные кряжи и их склоны. В зимний период они покрыты глубоким снегом. В короткий летний период здесь развивается травяная растительность, пригодная для выпаса скота. Обычно яйлаги значительно удалены от населенных мест до 150 верст и к ним нет сносных

Рис. 2. Курды—земледельцы.

колесных дорог, благодаря чему нельзя пользоваться пастбищем, как сенокосами.

Вследствие недостатка удобных для пахоты земель, в центральном и южном участках Курдистана, собственного хлеба хватает только на 3-4 месяца. Поэтому половина населения вынуждена уходить на зиму в низменные районы соседних уездов и оставаться там до весны, в качестве батраков, у местных хозяев, или же на отхожих промыслах.

Как уже отмечалось, социальная организация, быт и образ жизни закавказских курдов, в общих

чертах, сходны с бытом всех зарубежных курдов, с тою лишь разницей, что у нас после Октябрьской революции полудикие и отсталые курды приобщены к культурной жизни, среди них ведется огромная работа по поднятию их экономического благосостояния, в то время как зарубежные курды продолжают жить тем же бытом, продолжают находиться под властью своих шейхов-феодалов, старательно оберегающих их от всякой цивилизации.

Курды нашего Закавказья распадаются на несколько племен, говорящих различными говорами. В дореволюционное время, во главе племен стояли родоначальники или просто богачи. Они, пользуясь поддержкой духовенства, производили суд и расправу и даже могли изгонять виновных из племени. Племена, в свою очередь, разделялись на небольшие общества, из которых каждое имело своего старшину «руспа». На его обязанности лежало собирание податей и решение, с помощью почетных стариков общества, маловажных дел. Во главе всех курдов раньше стоял «эль-беги». В отношении эль-беги курды несли некоторую повинность—во время перекочевки бесплатно перевозили его юрту, ходили в лес по дрова и т. д. Кроме того, каждый курд, вступая в брак, должен был отдать ему, в виде подати, быка. Ежегодно слуги эль-беги раз'езжали по деревням и собирали причитающихся ему за «право брака» быков. Эль-беги решал всевозможные гражданские дела: споры о наследстве, разводе между супругами, о юртах между главами «обы» (общины), дела о краже, о похищении девушек и т. д. Тяжелые уголовные преступления судились местным начальником. Эль-беги имели право штрафовать, в свою, конечно, пользу, и подвергать телесному наказанию. Самым тяжелым наказанием

считался так называемый «таланкирин», т.-е. предание имущества виновного разграблению и изгнание его из общества и племени.

После проведения во всем Закавказье, в дореволюционное время, судебных реформ, власть эль-беги была сильно ограничена. У курдов были учреждены сельские общины и суды, при чем в уездах с курдским населением была учреждена должность «пристава над курдами», который служил, главным образом, для того, чтобы приводить непокорных курдов в подчинение царским властям. Пристава самым грубым образом обращались с местным населением, творя свой суд и расправу. Обычно они с кнутом в руках проводили среди безграмотных курдов распоряжения властей и собирали с них всевозможные налоги. В отличие от курдов, у езидов продолжали существовать духовные суды шейхов, которые разбирали, главным образом, дела о нарушении религии и брачные дела. Так было до революции, уничтожившей и приставов, и духовные суды шейхов. Взамен их везде были учреждены сельсоветы и народные суды.

Курдская община (оба) состоит из дымов (семей). Количество семей в общине различно. При составлении общины курды стараются, чтобы общее количество стада не превышало тысячи голов мелкого рогатого скота, так как многочисленные стада с трудом могут доставать себе корм.

Оба представляет демократическую общину, все ее члены пользуются одинаковыми правами.

Центром Курдистанского уезда является г. Лачин (Абдаляр), он, точно крохотный гриб, прилип к нависшей над ним горе. Лачин лихорадочно строится. Блестят на солнце новенькие домики амбулатории, школы, кооператива, клуба и стены первого, совсем недавно открытого, детдома. Тут

и там слышится звук топоров, грохот кровельного железа; дым от горнов, обжигающих известь, густой пеленой тянется по ущелью, а услужливые чайчи—манят прохожих толстыми самоварами и раскрасневшимися угольями магалов. Вокруг кооперативной лавки кучами стоят крестьяне, покупающие мануфактуру, керосин, сахар. По переписи 1926 г., в Ланиче всего живет 434 чел., из них мужчин 339 и женщин 95. Через горы, покрытые снегом и давящие своими громадами, по узким ущельям, куда можно попасть, только карабкаясь по крутым склонам и по тропинкам, вдоль небольших рек, ведут дороги в села и деревни Курдистана. Их, вообще, не так много, а крупных, имеющих хотя бы местное экономическое значение,—не больше 10. Самое большое село Минкенд—насчитывает до 1.500 жителей. Здесь люди живут в небольших домиках, каменных или деревянных, довольно бедных и малоудобных.

Большая же часть курдов, как советских, так и зарубежных,—живет в небольших деревнях, обычно расположенных вблизи речек или источников. Дома, или, правильнее, землянки—скорее похожи на норы, чем на человеческие жилища. Часть населения живет в пещерах, выдолбленных в осадочных породах гор. Иногда только по лаю собак и по постоянно клубящемуся дыму можно догадаться о существовании жилища курдов. Зимой, когда деревня заносится снегом, землянки заметны только на весьма близком расстоянии. Стены домов-землянок строятся из глины. Сверху кладут бревна и хворост и далее крышу засыпают землей. В крыше оставляют отверстие для дневного света. Обычно, у курдов в землянке одна комната, у зажиточных бывает и по две и по три. В одной живут жены с детьми, в другой мужчины, третья служит кладовой, в ней находятся съестные при-

пасы, свернутая палатка; в хлев, помещенный рядом, ход часто ведет через комнаты. Очаг устраивается посреди комнаты, здесь стоят котлы и варят пищу. Когда разводят огонь, то вся комната наполняется густым дымом. Жизнь в зимнее время однообразна особенно у мужчин. Женщины занимаются домашним хозяйством, ткут, вяжут. Мать учит этому же ремеслу своих детей. Не уметь ткать и вязать—это для курдинки позор; такие женщины известны под именем «назан», т. е. невежды.

Важное значение в семейном быту курдов имеет очаг. Он устраивается посреди землянки, или палатки и состоит из трех камней, расположенных треугольником. Очаг для курда есть нечто священное; в него нельзя плевать, бросать нечистоты и все то, что может осквернить огонь—священную, по верованию курдов, стихию. В день поминок в очаге должны гореть дрова, а не кизяк, как в обыкновенное время. В важных случаях курд клянется очагом.

Хотя курды и не поддерживают день и ночь неугасимый огонь в очаге, но они всегда заботятся о том, чтобы огонь не угас. Женщины считают это вредным для семейного благосостояния, утверждая, что в таком случае овцы и коровы перестанут давать молоко, а ягнята ослепнут. Та курдинка считается хорошей хозяйкой, которая в продолжение весны, пока овцы не об'янятся, день и ночь поддерживает огонь и не обращается за ним к соседям. Вообще же огонь из очага не дают брать, когда на нем стоит котел с молоком, иначе у коров и овец растреснут соски. Во всем этом видны остатки древнего культа священного огня, превратившегося, в настоящее время, в суеверие. Очаг служит символом семьи. Сын, отделившись от отца, в первую очередь,

строит очаг и из родительского дома берет огонь. Когда новорожденному дают имя, тогда его обносят вокруг очага и зарывают в него отрезанный при рождении и сбереженный до этого дня пупок, в знак того, что новорожденный с этого момента делается настоящим членом семьи. Дочь, выходя замуж и оставляя родной дом, обходит вокруг очага, как бы прощаясь с ним.

Язык курдов относится к группе иранских языков, состоящей, как известно, из языков: персидского, афганского, осетинского и др.

Курды в Закавказье занимают настоящую территорию с XVI века, когда они выселились из Персии и Турции. Живя в течение нескольких столетий среди тюркского населения, курды Закавказья успели в значительной степени утратить родной язык, который до сего времени не имеет своего алфавита и является лишь разговорным языком. В настоящее время, только меньшинство курдов еще не забыло свой курдский язык (курманджи); почти все курды говорят на тюркском языке, являющимся государственным языком, на котором ведется все делопроизводство. Влияние окружающей тюркской среды, а равно и условия хозяйственного быта заметно отражаются на всех сторонах материального и духовного быта курдов и свидетельствуют о процессе слияния курдов с тюрками.

По религии курды—мусульмане. Наиболее крупная религиозная секта курдов Армении—езиды. Езиды—это курды, в полном смысле этого слова. Доказательством служит: общность языка, типа, быта и всей вообще культуры, как курдов, так и езидов. Они, как и курды, говорят на курманджийском наречии, хотя сами называют свой язык «языком езидов» и уверяют, что курды от них заимствовали свой язык.

Различия в быте обоих народов существуют лишь в деталях. Так, например, одежда езидов ничем не отличается от курдской, но езидская женщина должна носить белье из материи белого цвета, который считается эмблемой беспорочности и чистоты; мужчины же не могут носить одежду синего или голубого цвета.

Организация общины у них в основных чертах одна и та же. Но совершенно другое представляют те стороны жизни, которые находятся в связи с религией. Здесь разница большая.

Курды, хотя и исповедуют официально мусульманство, но их религиозные верования отличаются большой примитивностью и представляют смесь искаженного ислама и суеверий. Вообще курды не отличаются религиозностью, хотя духовенство и пользуется, благодаря темноте населения, большим авторитетом. Езиды имеют свое самостоятельное, пока мало изученное, религиозное учение, отличающееся большой древностью и своеобразием. Они исповедуют оригинальное двоебожие и на ряду с благим начинанием почитают духа отрицания. Благодаря этому, мусульмане считают езидов дьяволопоклонниками и подвергали их всегда кровавым преследованиям. Это и заставило езидов эмигрировать в Закавказье, после захвата его Россией. В то время, как у курдов нет ни каст, ни сословий,—у езидов мы находим теократическую форму правления и кастовое устройство. Весь народ делится на мирян и замкнутую касту «духовенство» (руанов). Миряне делятся на сословия благородных и простых, руаны на три касты: шейхов, пиров и факиров.

Территории, населенные курдами, позднее других районов Закавказья подверглись советизации. В этот дикий уголок, с огромными, подавляющими своей массивностью горами, глубокими

ущельями и расположившимися между скал и утесов долинами, по которым тонкими змейками вьются маленькие речки, культурная жизнь стала проникать всего несколько лет тому назад.

Курдские горы, с вершинами, покрытыми снегом,—эти вековые стражи курдской темноты и невежества,—являются главным препятствием для приближения курдов к культурной жизни. И в настоящее время Курдистанский уезд, фактически, отрезан от политических и экономических центров. Правительству Азербайджанской ССР приходится напрягать колоссальные усилия для того, чтобы правильно руководить работой по развитию этого уголка и по восстановлению его экономического значения. Здесь приходится начинать с приобщения курдов к культуре, проводить дороги, искоренять старые обычаи, нравы, изменять быт, бороться с влиянием духовенства, беков, наконец,—регулировать вопросы пастбищ, посевов, строить дома, школы, больницы, клубы, бороться с темнотой и невежеством курдов.

Фактически, советизация Курдистана началась только в 1921 году. В том же году была произведена здесь первая сельскохозяйственная перепись, установившая совершенно неслыханную для всего нашего Союза отсталость и темноту курдов. Вот несколько характерных цифр: грамотных мужчин-курдов всего 1,44%, женщин—0,04%, грамотных обоюбого пола—0,68%. Если отбросить детей до 8 лет, то грамотность будет представлять такую картину: мужчин—2,44%, женщин—0,07%, обоюбого пола—1,09%. На сто взрослых—один грамотный, т.е. умеющий читать и писать по курдски или тюркски (государственный язык). Русского языка здесь почти не знают.

Беден кендли (крестьянин) Курдистана, но упрямо борется с природой жестокой и суровой к нему.

Мало у него знания, чтобы успешнее, легче и скорее преодолевать все трудности. После революции курд почувствовал это и начал ценить знание, помогающее ему, бедному кендли, в борьбе за свою жизнь. Поэтому понятна тяга его к учению. И кендли поощряет обучение в школе своих детей. Но Курдистанский уезд школами не богат. На 390 населенных пунктов их всего 42. Нет средств, нет подходящих зданий и, самое главное, нет учителей. Наркомпрос взялся было строить, начал, возвел стены, да так и стоят они, школьные остовы. Только за последнее время начали строить в Малибеке, Курткаджи, Джамберте, Чайкенде и Исти-булаге школы в две комнаты. Пока же большинство из существующих 42 школ находятся в совершенно ненормальных условиях.

Кендли живет в землянках-пещерах. В землянках помещаются и многие курдские школы, дети учатся в этих школах без окон и слепнут. Слепнут в самом настоящем и ужасном смысле этого слова.

К 1927 г. по уезду было зарегистрировано 450 слепых школьников. Повидимому, против этого явления уже принимаются активные меры, а приведенный выше факт постройки 8 школьных домов говорит за это.

В уезде есть несколько курсов по ликвидации неграмотности, но они также помещаются в землянках. С избами-читальнями дело обстоит не лучше,—одна на 180 пунктов, т.е. на 25 тысяч населения.

Кооперация пока еще здесь развита слабо. Имеется одно сельскохозяйственное кредитное товарищество, которое в 1927 г. отпустило крестьянам 1.026 шт. земледельческих орудий.

В уезде всего лишь два кооператива; одна кооперативная лавка обслуживает чуть ли не 80 на-

селенных пунктов. Тяжелое положение и трудность работы усугубляются здесь еще и тем, что пока еще слишком невелико количество курдов членов ВКП(б). Всего в уезде работает фрмачи (партийных) около 150 чел., и только за последнее время заметна тяга в партию со стороны крестьянства. Местная администрация и партактив несут тяжелую работу по поднятию культурного уровня и изменению бытового положения населения. В большинстве это незаметные герои, которые неутомимо раз'езжают в своих бараньих папах, на маленьких лошадаках, по курдистанским дорогам—этим козым тропкам, проходящим по краю обрывов. Целыми днями они карабкаются на высокие горные перевалы и спускаются к селам и деревням, чтобы проводить выборные собрания, инструктировать сельсовет или раз'яснять населению новые законы. Так строится новый быт и новая жизнь закавказских курдов.

3. Закавказская курдинка до советизации

Закавказская курдинка целиком погружена в тяжелые обязанности по обслуживанию домашнего хозяйства и семьи.

Обычно жены и дети несут ряд тяжелых домашних работ: грузят вьюки, носят воду, доят скот, собирают топливо и всюду носят с собой грудных детей, привязанных на спине широким поясом. Женщины не закрывают лица, в толпе они стоят вперемежку с мужчинами и участвуют наравне с ними в жизни своей общины. В отсутствие мужа, в деревне, хозяйка принимает посетителя. Затворничества, как у соседних тюрков, у курдов нет. Если курдинка отличается умом

или красотой,—имя ее прибавляется к имени ее сына и какой-нибудь Бапиты-Шашан—разносит всюду имя своей матери Шашан. Более свободное положение курдской женщины выгодно отличает ее от тюркской женщины, забитой и спрятанной от глаз посторонних. Это обстоятельство значительно облегчает работу среди женщин по вовлечению их в советское строительство и местные советы. Женщины носят рубашку из ситца или же из материи красного цвета. Женский кафтан ничем не отличается от мужского; он опоясывается шалью или другой материей. В праздничные дни или во время свадьбы курдинка носит поверх кафтана широкую, спереди разрезанную «тальму» из красного сукна и украшенную шелковыми тесемками и шнурками. Кроме того, она носит широкий длинный передник. Девушки в головной убор, в верхнюю его часть, вшивают феску и вдевают в нее деревянный обруч так крепко, что над нею образуется круглая площадка, спереди в эту площадку втыкают булавки, на которые надевают красные бусы.

Кроме головного убора женщины носят украшения: ожерелья из бус, серьги, кольца, а иногда и «мехик»,—это небольшое круглое серебряное украшение, которое вдевается в нос снаружи, с правой стороны. У турецких курдинок оно заменяется серебряным кольцом, от которого идет цепочка, прикрепляемая или за ухом, или у плеча. На цепочке висят монеты.

Отцу, как главе семьи, безусловно, подчиняются все ее члены. По отношению к жене он является полным ее господином. Она не имеет права ничего делать без его воли; муж вправе нанести ей жестокие побои, а в случае измены—народный обычай дает ему право отрезать ей нос и уши. У закавказских курдов подобное варварство не

встречалось, только в языке сохранилось выражение: «нос и уши отрезают», которое свидетельствует о том, что такая расправа когда-то была. Власть отца над детьми так же сильна, как и над женой. Однако, детоубийство презирается всеми. Отец имеет право даже располагать средцем дочери, он может за дорогой выкуп выдать ее за такого человека, которого она не любит. Отец имеет право расторгнуть брак дочери, но только, когда после вступления в брак один из ее родственников убивает родственника мужа или наоборот, так как, родство между врагами возбраняется, обычно (если же родственники примирятся, то брак не расторгается); во-вторых, отец может расторгнуть брак, когда зять без причины обижает жену. Эта операция прибыльна отцу, так как он возвращает мужу только часть приданого, полученного за дочь и получает возможность второй раз ее выдать замуж и получить новый выкуп. Вообще же при выходе замуж дочь освобождается от непосредственной зависимости отца.

Народный обычай не дает матери значительного семейного авторитета; напротив того, после смерти мужа она даже становится в некоторое зависимое положение от сына; вообще же мать имеет только нравственное влияние на детей. Под руководством матери, дочери и невестки занимаются прядением и вязанием шерсти, исполняют все домашние работы. Мужу принадлежит все имущество, но жена имеет отдельную собственность, состоящую из приплода коровы или кобылы, подаренных ей родственниками; фактически муж, конечно, пользуется и ее собственностью.

Рождение ребенка сопровождается у курдов магическими обрядами и суеверными обычаями. Роды происходят в доме на постланной на земляном полу соломе. Муж на время родов удаляется из

дома и возвращается через день-два. Перед родами обращаются к мулле и он пишет талисман «дуа» для благополучия родов. После родов мулла пишет другой «дуа» для счастья и благополучия родильницы и ребенка. За труды мулла получает корову, быка или другую скотину.

При трудных родах дерут роженицу за уши, громко кричат ей в ухо, призывая очнуться, говоря, что приехал брат, гость и т. д. Если же женщина падает в обморок, стреляют из ружья, чтобы привести ее в сознание; иногда идут на речку и кинжалом режут воду (магический прием разрезывания того, что связывает роженицу). По народному поверью, на роженицу нападает особое существо «Хал-анасы». Она имеет вид страшной женщины; Хал-анасы вырезает у роженицы сердце и легкие, несет к речке и моет в воде. Если она успеет это сделать,—женщина умирает. Чтобы прогнать Хал-анасы,—стреляют около роженицы из ружей.

Если в доме умирают дети—обращаются к мулле. Тот объясняет, что ребенок умер потому, что в дом приходила женщина, имеющая вредное «дуа», но если ему дадут корову или овцу,—он напишет такое «дуа», которое уничтожит смертоносную силу вредных «дуа» и дети не будут умирать. Имя ребенку дают женщины. В этом сказывается отголосок бывшего матриархата. Муллы, захватившие в свои руки все, из чего можно извлечь выгоду, присваивают себе и право выбора имени ребенку. Мулла роется в своей магической книге (книга «Дуа-китаба», или «Джамейдавад») и заявляет, что, если ребенка назовут не таким-то именем,—он непременно умрет. И запуганные родители спешат исполнить требование муллы, получающего за совет вознаграждение. Детей кормят грудью до 2—3 лет. Отношение к мальчикам

заботливое, даже нежное. К девочке отношение хуже. Если женщина родит одних девочек, на нее смотрят с сожалением, домашние же ее бранят. Для ограждения детей от дурного глаза, злых духов и прочих напастей—надёжным средством являются талисманы. Под колыбель ребенка в качестве такого талисмана кладут хлеб, которого боятся черти. Встречаются дети сплошь увешенные такими талисманами. Этнограф Г. Чурсин, в 1924 г., видел в с. Молла-Ахмедлу годовалого мальчика, у которого на плече висели: зашитая в черную тряпочку молитва «дуа», раковина, буса, металлическая бляха, а на спине—треугольное «дуа» и несколько бус, нанизанных на цветные шерстяные нитки.

Со дня рождения, попечение о ребенке и его воспитании лежит на обязанности матери. Как мальчики, так и девочки посещают собрания мужчин и женщин, где они слушают разговоры взрослых. С семи лет дети уже привлечены к участию в хозяйстве, ходят за скотиной и пр. С юношеского возраста сын пасет свои стада или же идет в пастухи, причем, часто переходит в другое племя. Через несколько лет он возвращается со своим небольшим заработанным им стадом.

Девушки с семилетнего возраста занимаются прядением и тканьем шерсти. На кочевках, после обеда, они собираются на берег реки или в тень и, распевая песни, прядут шерсть и вяжут носки. Часто к ним присоединяются и парни. Женщина в нравственном отношении стоит выше мужчины. Курдинки отличаются верностью и честностью. Верность замечается даже у женщин, вышедших замуж не по любви; среди курдинок почти нет проституток.

Религия (магометанство) позволяет курду многоженство, но курды в большинстве его не при-

знают, у езида же всегда одна жена. Лишь начальники курдских племен, да богачи имели по две жены. Курды и особенно езиды всегда берут жен из своего рода. Для вступления в брак у курдов не было определенного возраста, обычно мужчины женились 15 лет, а женщины 10 лет. Курдам известны два вида брака: а) через похищение, т.е. когда девушку похищают против ее воли

Рис. 3. Персидские курды.

или с ее согласия, но против желания родителей и б) брак через покупку (калым) по обоюдному согласию и молодых, и родителей. У езидов практикуется только этот последний вид брака. Похищение имеет пагубные последствия. Родственники преследуют похитителя и убивают его там, где догонят, той же участи подвергается и девушка, если она убежала по своей воле. Если похититель скрылся, то разоряли дом его родителей. Единственная возможность избежать мести это отдался

под покровительство знатного лица, которое ведет переговоры с родителями похищенной и за большой выкуп они прощают похитителям.

Брак мирным путем, за выкуп, происходил, да еще и теперь происходит, таким образом: в дом, где есть невеста, посылается сваха, которая и ведет все переговоры; лишь после их завершения, отец жениха приходит в дом невесты с хлебом и солью и обращается к отцу ее, в присутствии свидетелей, родных, спрашивает о согласии на брак дочери с его сыном. Отец дочери отвечает утвердительно, опять-таки ссылаясь на присутствующих свидетелей. Затем родители разделяют хлеб-соль, один из гостей дает матери для невесты серебряное кольцо и каждый гость делает невесте подарок, сообразно своему состоянию. Через некоторое время, в доме невесты, устраивается пирушка, причем невеста в небогатых семьях, обычно, в ней не участвует. Это называется обрядом обручения «дазнигари». С этого времени молодая чета назначает тайные ночные свидания, которые по курдски называются «дызи е-букэ» (кража невесты). Через несколько месяцев отец жениха вновь отправляется в дом невесты для переговоров. Он дает родителям невесты выкуп деньгами, баранами, быками, в зависимости от состояния, и обязательно лошадь с седлом. В день изъяснения окончательного согласия «атекирин» отец жениха дарит отцу или брату невесты ружье или револьвер и деньги. Невеста приносит приданое, состоящее из ковров, постели и др. шерстяных изделий, а также деньги. Если женился бедняк, то вся община собирает ему выкуп. По окончании переговоров следует свадьба. В назначенный день у жениха собираются все приглашенные гости; до обеда пляшут женщины и мужчины вместе. После пляски гости отправляются к невесте; если же она из другой деревни,

то едут только близкие родственники, и привозят ее вместе с подругами к жениху; лицо невесты обычно закрыто красной материей. Жених в это время, покупавшись в речке или источнике, принимает участие в игре парней «ракаго». С партией победителей жених подходит к своему дому, где его встречают девицы с песнями. Весь день гости веселятся у жениха. Вечером мулла совершает «кебин»—брачный обряд и, получив подарок, уходит. Невесту обводят 1—3 раза вокруг очага и говорят: «Мы взяли тебя сюда и ты должна до последней минуты служить этому дому». Спустя несколько недель невеста снова возвращается к родителям и уже оттуда она переходит в свой собственный дом.

Положение молодой невестки в доме мужа нельзя считать тяжелым. Особою заботливостью и вниманием молодая женщина пользуется до первых родов, все это время она считается как бы гостьей; после же первых родов она окончательно входит в состав семьи и становится в положение, одинаковое с другими невестками. На обязанности младшей невестки лежит мытье ног всем старшим в доме и гостям. Как и у многих других восточных народов жена и муж не называют друг друга по имени.

4. Советская курдинка

Полубесправное положение в семье и обществе, соблюдение религиозных правил во взглядах на женщину, как более низшее существо, страх перед законом и мужем, невежество и ужасающая неграмотность (на 4.000 женщин только одна грамотная)—вот характерные признаки положения курдинки. Здесь еще царят предрассудки, одурманивающая сила религии, социальные болезни и

большая детская смертность,—эти неизбежные последствия бытовых условий жизни культурно-отсталых народов. Еще во многих глухих районах Курдистана, с наиболее невежественным и фанатичным населением,—советские законы в области семейно-брачных отношений, борьбы с бытовыми предрассудками и преступлениями, как идущие вразрез с вековыми обычаями,—считаются греховными.

В этих районах страшно трудно вести работу. Очень часто здесь прибывшему для проведения какой-нибудь кампании работнику прежде чем подадут руку,—ее завернут в полу платья.

Условия жизни женщины определяются хозяйственными условиями Курдистана.

С советизацией здесь была вкорне подорвана власть местных беков. Лишенные всяких привилегий, многие из них трансформировались в богачей-кулаков. Положение женщин в этих семьях почти ничем не отличается от положения остальной массы курдских женщин-крестьянок, которые на своих плечах несут всю тяжесть работы. Занятая с рассвета до заката солнца курдинка—почти никогда не отходит от своей землянки или палатки на кочевке. Если к этому прибавить, что ее семейная жизнь регулируется пережитками патриархально-родового строя и религиозно-бытовыми предрассудками, то получится картина экономического, правового и бытового положения курдской женщины.

Несмотря на то, что здесь, как и во всех уголках нашего Союза, женщины уравниены в правах с мужчинами, введен советский кодекс о семейно-брачном праве, о землепользовании, о праве на труд и образование, претворение в жизнь всех законов, однако, встречает сложные препятствия, как экономического, так и бытового характера.

Ранние браки, калым, туго проводимая земельно-водная реформа, все это имеет глубокие корни в доживающей здесь феодально-патриархальной форме хозяйства, освященной исламом и закрепленной культурной отсталостью. Все это и способствует удержанию консервативных форм быта.

Многоженство, ранние браки, главным образом, поддерживаются обеспеченными слоями, в которых они видят опору для института собственности; бедняцкая часть населения поддерживает эти обычаи постольку, поскольку они находятся в экономической и духовной зависимости у кулачества и духовенства.

Женщина у курдов немногим дешевле, чем у тюрков; средняя цена—20—50 баранов.

На всеизидской конференции, в Армении, вопрос о праве на женщину стоял на ряду с вопросом о воде и земле. И бедняки вынесли резолюцию с требованием отмены калыма. Однако, следует отметить, что здесь главную роль играла не забота личности женщины и не желание улучшить ее участь, а исключительно материальные интересы мужчины.

Бедняки требуют отмены «налогов на женщину», отмены покупки жен потому, что им нечем платить. Они могут платить только своим собственным горбом, трудом, идя в пастухи, в батраки к отцу невесты. И работает бедняк лет семь, пока не выработает требуемой суммы. А пробегут семь лет и... появится соперник. Даст больше. Отец скажет: «надо прибавить». И работает бедняк снова батраком за свою прекрасную невесту.

С этим явлением покупки невест сейчас идет особенно упорная борьба, руководимая как центральной властью Азербайджанской республики, так и специальными организациями по работе среди женщин. Но методы и пути этой работы значительно отличаются от других районов.

В первую очередь здесь необходимо отметить, что исключительная темнота курдов и условия полуседлой жизни при разбросанности населенных пунктов—исключают применение наиболее могучего средства—агитации через печать. Не только газеты, но даже листовки и воззвания пока мало им доступны. Из печатного материала больше всего может быть применен красочный и понятный плакат.

Концентрирование внимания курдской женщины на вопросах труда и быта, на вопросах вовлечения женщин в общественную жизнь и производительный труд производится здесь путем организации в селах женского актива и проведения делегатских собраний.

Первоначальной агитационной и организационной формой работы среди женщин служат делегатские собрания.

Результаты этой, пока еще очень скромной работы уже сказались к 1927 г., в Курдистане имеется 39 делегатов.

На собраниях женщины чрезвычайно интересуются бытовыми вопросами. Часто за несколько верст идет куртинка на собрание с детьми и просит раз'яснить ей новый закон о регистрации или о разводе. Особенно внимание привлекает новый закон о браке. АзЦИК еще в марте 1923 г. издал декрет о новом семейно-брачном праве, по которому отменяется многоженство, устанавливается предельный брачный возраст в 18 лет для мужчин и в 16 лет для женщин. По этому декрету женщина уравнена во всех правах с мужчиной.

Проведение работы по изучению и улучшению быта женщин в Азербайджане возложено на Комитет по улучшению быта тружениц при АзЦИК'е. Такие же комитеты имеются при уездных исполкомах. Задача комитетов заключается в оказании

содействия женщине в защите ее прав через соответствующие советские органы. В своей ежедневной практической работе комитеты изучают быт женщины и на основании своего опыта выносят свои предложения по изменению, дополнению законов, касающихся прав женщины, в законодательные органы и принимают участие в их разработке. Путем организации артелей и мастерских комитеты улучшают экономическое положение женщин. Работа комитета Курдистана чрезвычайно скромна, а между тем, он должен взяться за проведение агитации, чтобы женщины шли учиться; он должен наладить работу по ликвидации среди женщин неграмотности. Комитеты так же ведут определенную пропагандистскую работу среди мужчин, раз'ясняя им, почему женщина должна быть активной, почему ее зовут на выборы в советы, почему она должна быть грамотной и ходить в больницу, а не к знахарю.

Вообще работа среди курдских женщин пока налажена слабо. Причин этому много: и отсутствие опытных организаторов, и недостаток средств и, наконец, чрезвычайный консерватизм, который проявляет курдинка к заботам об улучшении ее положения. Плохо здесь обстоит дело и с работой в области охраны материнства и младенчества. Только недавно, в уезде, открыт первый детский дом; детских консультаций и яслей пока нет вовсе. На ряду с отсталостью и темнотой курдской женщины, затрудняющих переход к новому быту и новому независимому положению,—чрезвычайно интересно отметить, что в одном отношении, участия в выборах в советы курдская женщина идет далеко впереди женщин тюрчанок Азербайджана. Причиной этому на первый взгляд странному явлению служит факт более свободного положения курдинки по сравнению с тюркской женщиной-за-

творницей. Как уже указывалось, курдская женщина не закрывает лица, она не прячется от незнакомого мужчины, она уже давно присутствует на собраниях мужчин и участвует в обсуждении различных вопросов.

Участие курдинки в работе советов с каждым годом растет, хотя оно продолжает еще оставаться по количеству недостаточным. Несмотря на то, что кулаками и духовенством велась агитация против участия женщин в перевыборах советов, на последние выборы явилось до 70% всех курдинок. Среди избранных в советы оказалось до 25% женщин. Такой успех объясняется вообще активностью курдской женщины в вопросах управления, а также и привычкой разрешать все серьезные дела наравне с мужчиной. Имеет значение и правильное проведение самих выборов. В этом году всем, имеющим право участвовать в выборах, были разосланы повестки. Самый факт получения повестки еще сильнее побудил женщину принять участие в выборах.

Вот как описывает выборы т. Шуркан, руководивший ими в одном из самых крупных населенных пунктов Курдистана, в селе Минкенд:

«Узкие, корридорами извилистые улицы, каменные сабли, сложенные штабелями кизяки, лай собак, высокие рослые мужчины и женщины, торпливо пробегающие босиком по снегу с привязанными за спиной громадными кувшинами для воды—таков утренний Минкенд.

Кучки курдов, о чем-то с жаром толкующих, группы живописно-разноцветных женщин, тянувшихся к краю села, стаи несущихся мальчишек,— все говорит, что в жизнь села вошло что-то новое, необычайное.

По узким корридорам пробираемся к школе, зданию в 5-6 комнат, где раньше какой-то бойкий ар-

мянин торговал мелочью и углем, на стене записывая число стаканов чая, выпитых минкендцами.

Балкон. Столики, заваленные бумагой. У балкона на корточках сидят мужчины; тут же отдельной группой расположились женщины с ребятишками на руках. Вначале с опаской, а затем все громче, все оживленнее толкуют о каких-то своих домашних делах, лукаво подсеиваются над женщинами, подходящими к балкону и извлекающими из-за пазухи листки—выборные повестки.

Их уже сто сорок, а еще идут и идут новые. Отдав повестку, вливаются в море широких юбок и полуоткрытых, смуглых лиц, с черными, как угли, горящими глазами.

Эта своеобразная торжественность нарушается время от времени дружным смехом, покрывающим слова Асад-ами, снова и снова пересчитывающего повестки, налицо 225 женщин, из 230, получивших повестки,—и эти две сотни женских лиц горят ожиданием, предвкушением чего-то нового, необычного. При виде их улыбка самодовольства расплывается на лице Асада-ами.

Когда дело подошло к избранию председателя совета, страсти разгорелись, голоса заглушают друг друга, одна кандидатура сменяется другой.

Бой разыгрывается вокруг двух кандидатов. Расколовшееся на-двое собрание шумит. Каждая группа доказывает предпочтительность своего кандидата. Двое ораторов особенно горячо выступавших, неожиданно разбегаются в разные стороны, призывая за собой единомышленников. И вдруг мирно сидящие группы срываются с мест и в одно мгновение поднимается невообразимая сутолока, беготня, в которой все перемешано,—и мужчины, и женщины.

Успокоились... и на глаз стали определять силы каждой группы. Группа кузнеца-партийца ясно

перевешивала, а сам он под шумные аплодисменты, переминаясь с ноги на ногу, застенчиво улыбался.

Выборы кончились, все расходится,—одни улыбаясь своей победе, другие—не веря своему поражению».

В Курдистане рост участия женщин в работе советов надо учитывать не сотнями, а десятками и единицами. Каждая женщина, активно работающая по советскому строительству, имеет здесь огромное политическое значение. В Курдистане, в селе Мирин есть уже женщина-председатель сельсовета. Село Мирин это зимняя ставка полукочевых курдов. Расположено оно в ущелье среди скал и даже вблизи невидимо, так как домов в нем собственно нет, а все помещения и для скота и для людей вырыты в скалах.

Ранней весной люди из дымных и темных пещер выползают на верх, на плоскогорье, ближе к солнцу и прохладным ветрам,—там, наверху, окруженные своими овцами, буйволицами, коровами, лошадьми и собаками, проводят 6-7 месяцев до снега.

Как и везде, есть в этом селении сельсовет, и в сельсовете—председатель. Но председатель миринского сельсовета, единственная чуть ли не на весь Курдистан,—женщина «елдаш-ханум» (товарищ-женщина), как ее называют курды.

Пожилая, но бодрая, с выразительным, открытым лицом и энергичными движениями—рослая «елдаш-ханум» спокойно и уверенно руководит своим маленьким сложным миром,—и нигде, ни в одном селении предсельсовета не пользуется таким широчайшим и безусловным авторитетом среди крестьян и таким глубочайшим доверием, и чуть ли ни фанатической верой во все то, что не скажет или не посоветует ханум-председатель.

Курдам сначала странно, непривычно было видеть, с какой легкостью и опытностью справлялся председатель с платком на голове с проведением труднейших, в местных условиях, распоряжений власти. Потом постепенно свыклись и теперь относятся к своему председателю с большим уважением.

Большое зло курдской деревни—это антисанитарные условия. В деревне свирепствуют различные эпидемии и болезни, детская смертность все увеличивается, женщины, вследствие отсутствия нужного медицинского персонала, пользуются услугами знахарей и пастухов.

Вот как один очевидец описывает роды в курдском селе Салтанкенд: это—обычное курдское селение в 8—10 дворов, давно породнившихся. Редкая девушка выходит замуж на сторону: обычно она остается за одним из бесчисленных двоюродных братьев.

«В недобрый час попали мы сюда: сестра нашего хозяина—предсельсовета, 17-летняя девушка уже третий день исходила в родовых муках и никакие заклинания местной повивальной бабки Гекчай не помогали. Из темной, с земляным полом, лачужки, на краю села, доносились бьющие по нервам стоны роженицы; женщины сидели около нее, а мужчины расположились снаружи у дверей. Три дня без помощи, без акушерки, в грязных лохмотьях!

До Лачина, до акушерки—26 верст, до Минкенда до фельдшера—18. Далеко, а потом ведь наши бабки и матери обходились без них и она обойдется, если угодно будет Аллаху,—говорит какой-то курд.

Асад-ами посылает верхового в Лачин за акушеркой и мы, за маленьким позеленевшим самоварчиком, ведем длинную беседу.

Полночь была уже близка, мы все еще толковали о курдах, об их быте, когда к нам в саклю

вбежала мать роженицы с вестью, что родился мальчик. На радостях брат роженицы выбрал самого жирного барана и, совершив какие-то заклинания, острым ножом перерезал ему горло.

Пахло мясом, кровью, от туши шел пар»...

Курдской деревне нужна, быть может больше, чем где-нибудь, акушерка, ей также сильно нужна и учительница. Все дело развития народного образования и ликвидации неграмотности, а следовательно и самая существенная часть всего дела изменения быта стоит из-за отсутствия необходимого количества учителей. Однако, и при таких тяжелых условиях здесь постепенно создается кадр женщин, уже отрешившихся от старого быта и вставших в ряды коммунистической партии и отдающих все свои силы работе среди курдских женщин.

За последние годы, особенно, заметна тяга женщины в партию. Правда, количество партийных курдинок измеряется только десятками, они далеко еще не все обладают достаточными знаниями и опытом для работы, но все же они являются передовым отрядом, бесменно работающим по строительству своего Курдистана. За эти годы, наряду с ростом партийного актива, растет и организуется комсомол. Курдские девушки, благодаря более свободному положению, конечно, только в сравнении с положением девушек, тюрчанок, очень охотно идут в комсомольские клубы, школы и принимают за комсомольскую работу. Организации комсомола успели уже охватить значительное количество курдской молодежи, и проникнуть в курдскую деревню, а во всех крупных селах они имеют свои ячейки.

Каковы же организационные методы массовой работы среди курдской женщины? Опять-таки, учитывая некоторые особенности положения здесь

женщины, приходится всю работу начинать со сколачивания в деревнях женского актива из наиболее сознательных крестьянок-делегаток, общественниц. Без такого женского актива, при местных бытовых условиях, нельзя проводить никакой работы. Далее идет проведение общих собраний по деревням делегатов с женским активом, а затем и со всеми женщинами, на которых делегатки отчитываются о работе совета. Так же следует устраивать общеуездные конференции крестьянок и организовывать курсы для выдвиженок-общественниц. Наконец, совершенно необходимо и полезно вовлекать женщин-членов сельсоветов в повседневную практическую работу советов, привлекать их к работе в ЗАГС'е, народном суде, к контролю над работой школ, врачебных пунктов и т. д.

Основной и ударной работой является здесь борьба за экономическое раскрепощение курдинки, борьба с разлагающим влиянием духовенства и его материальной базой— невежеством, темнотой и обманом. Кроме того, надо поставить на должную высоту изучение бытовых и правовых вопросов и особенно решительно бороться с наблюдающимся убийством женщин на почве брачных и семейных отношений.

Подводя итоги современному положению курдской женщины и работе, проделанной за время существования советской власти, можно констатировать, что: мероприятия по раскрепощению курдской женщины во всех областях ее жизни, как-то—отмена калыма, воспрещение многоженства, недопущение ранних браков, борьба с бытовыми предрассудками, борьба за образование и, наконец, новые экономические условия жизни—уже дают известные результаты. Деятельность партии по усилению, углублению и охвату работы среди курдинок уже имеет определенные достижения, во-

первых, в области количественного роста курдинок в партии, КСМ, в советах, а также и в других областях общественного строительства.

Нет важнее для Курдистана задачи, как экономическое раскрепощение женщины. Этого можно достигнуть через вовлечение курдинки в кустарное производство, путем умелого использования свободных женских рук, уже имеющих производственные навыки, для работы в кустарных артелях. Для этого следует возродить, успешно развивавшиеся, до войны, ковровое производство и шелкопрядание и приступить к организации промысловых кустарных артелей.

Экономическое развитие нашего Курдистана и неизбежно с ним связанное культурное и политическое развитие курдов, имеет колоссальное значение, выходящее за пределы Закавказья.

Происходящая здесь упорная борьба со старым бытом, старыми семейными устоями, уже вполне определившийся перелом в положении женщины и ее новая роль в хозяйственно-общественной жизни,—свидетельствуют о том, что жизнь курдов и курдской женщины принимает новые формы. Но новые формы жизни пока еще не сложились и курдская семья переживает тяжелый переходный период, который всей тяжестью ложится на плечи курдской женщины. Вот почему ей при настоящих условиях работы должно быть уделено главное внимание.

При составлении настоящей работы основными источниками служили: Труды Кавказского Отдела РГО, кн. XIII. С. А. Егизаров «Краткий этнограф. очерк курдов»; Изв. Кавказского Историко-Археологического Ин-та, т. III. Г. Чурсин «Азербайджанские курды»; А. Карцов—«Курды»; Статьи и заметки в закавказской периодической прессе («Бакинский рабочий» и др.); Наблюдения очевидцев; Бюллетени ЦСУ Закавказских республик за 1921—27 г.

